

Играет Шопен...

Это был весенний, солнечный день. Может быть, за окном не было ни весны, ни солнца, но вот в зале 3-й средней школы... Иначе разве можно было бы еще поминуть этот день, спустя много лет? Арвида Жилинского я тогда видела впервые в жизни, хотя слышала о нем много и песни его были известны. Высокого роста, с пышными волосами, гордый и почти смиренный одновременно. Впечатляюще! И движения его рук, свободные жесты запомнились. Тут уж ничего нельзя поделать: если артист выходит на сцену и начинает музенировать, то все-таки первые впечатления оставляет его личность... Шопен, польский композитор... Имя говорит само за себя. Вальсы за вальсом, мазурки, nocturnes... Звуки музыки будоражат, снимают усталость, нежности их волнуют все больше, пробуждая где-то глубоко внутри странное беспокойство. Может быть, это можно назвать романтической взлопованием?

На авторском концерте

О его авторских концертах обычно рассказывают певцы, которые вместе с композитором побывали во всех уголках республики. Всех концертов не упомянуть, ведь их было так много! Мне довелось быть участницей одного единственного авторского концерта А. Жилинского. Тогда хором студентов и преподавателей руководил Х. Меднис, который, будучи и оперным хормейстером, позволял заглянуть нам в «большой» мир искусства: знакомил

Поздравляем Арвида Жилинского в день его семидесятилетия!

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗДУМЬЯ

что вся личность Жилинского по своей художественной сущности романтика. По этому он и исполнял Шопена и волновал своей игрой. Романтизм прославлен, и одновременно в нашем столетии романтизм

осужден, однако человеку он присущ от природы, и Жилинский проникся Шопеном. Я раздобыла том Вальсов Шопена и впервые в жизни попыталась разучить то, что не задавали. Какое-то опьянение музыкой захватило всю школу, так как артисты выступали у нас довольно часто. И если для многих из нас музыка стала судьбой, то повинна в этом и личность А. Жилинского.

с процессами театральной сцены, с артистами, их трудовыми буднями. Солисты оперы были приглашены принять участие в подготовленном нами вечере произведений А. Жилинского. Но главное, — на репетиции приходил сам автор. Он, конечно, и понятия не имел, как много это значило для энтузиастов песни, какая возникла концентрация воли, какой пронизывал дух творчества и желание сделать все как можно лучше. Все симпатии коллектива перадельно принадлежали тощей, деликатной личности автора, все уважение и любовь к его искусству мы старались передать в его песнях. Концерт открывал молодой, недавно окончивший консерваторию музыкант О. Гравитис, чьи обширные знания и дар оратора высветили самые дальние горизонты творчества композитора и музыки вообще. А сегодня мы можем прочитать толстую книгу О. Гравитиса о композиторе, которого полюбил народ.

После авторского концерта А. Жилинский был гостем хористов. Сидя рядом с ним за одним столом, мы обнаружили, что этому лирику, романтическому, порой бурному музыканту присущ веселый юмор, что он охотно беседует с присутствующими, хотя и с оговоркой: «Я не из разговорчивых...»

В консерватории

Когда наступил момент исполнить обязательную экзаменационную программу по фор-

тепью перед комиссией, в ней был и поразивший нас еще в школе интерпретатор Шопена. Нет, А. Жилинский совсем не был «страшным» педагогом: он наоборот всегда стремился успокоить, быть чутким, но это не спасало от ощущения, что композитор, как рентгеновский луч, видит насквозь каждый недостаток в твоей игре. В течение всех проведенных в консерватории лет согревали его доброжелательность, дружеское, простое обращение. У него всегда оставалось время, чтобы спросить, как идут дела в консерватории, на работе, дома. И видно было, что в этой сердечности нет ничего внешнего, что она искренняя, такая же, как его внешне нежная, простая песня.

В музыкальных театрах

А. Жилинский принадлежит к тем многим латышским композиторам, которые, начав свое творчество с песни, постепенно пришли к необходимости выразить себя, свою музыку в опере — в высшем проявлении своего искусства. И в этом неустанном стремлении к высокому — красота их творчества, личности. Ошибаются те, кто утверждает, что не стоит увлекаться большими жанрами композиторам с ярко выраженным дарованием песенника. Нет, все-таки это нужно делать, и чем упорнее, тем лучше.

«Золотой конь» увидел свет рампы и засверкал на ней во всей красочности детской сказки, привлечь в театр тысячи слушателей. Этого и хотел автор: создать оперу-песню для детей, для школьной молодежи,

а не музыкальную драму-симфонию. А критика ждала именно этого, упрекала, почему он со своей душой пессиника взялся за Райнаса... Но ведь французского композитора Шарля Гуис никто сегодня не упрекает в том, что из всей философской глубины «Фауста» Гете он в музыке обратился лишь к романтической стороне этого произведения. И «Золотой конь» живет как сказка-песня. Не сто лет, а десять, не во всем мире, а пока в Риге, однако живет полнокровной жизнью. И написана опера «Вей, ветерок!». Нет ни малейшего сомнения в том, что и у этой оперы будет свой круг слушателей, что и это произведение могло бы сыграть важную роль в приближении любителей музыки к оперному театру, к жанру оперы, чтобы помочь им перейти от восприятия простой песни к проникновению в сложную современную оперу.

Хотелось бы в день юбилея пожелать автору продолжать свою работу создателя латышской советской оперетты, начатую два десятилетия назад. «В краю голубых озер» — самое высокое достижение среди четырех, завершенных в этом жанре, работ.

На пороге своего семидесятилетия автор полон творческих замыслов и пыла. Его настоящий юбилей будет тогда, когда свет рампы увидит «Вей, ветерок!». Волшебные вершины оперы по-прежнему влекут композитора, и это свидетельствует о том, что А. Жилинский молод.

В. Бриеде-Булавинова